

Виктор КУЗНЕЦОВ

Культура. — 1995. — 2 дек. — с. 3.

Наперекор судьбе

На улицах родного Таллина его узнавали многие... Ведущий актер Эстонского театра драмы (Гамлет, барон Тузенбах, Пер-Гюнт), поставивший на сцене "Лысую певицу" Э.Ионеско, был еще и драматургом, сценаристом, прозаиком. И поэтом... Сборники "эстонского Высоцкого" (так окрестили Юхана Вийдинга почитатели) расходились мгновенно. А единственная книжка на русском языке, вышедшая лет семь назад в Москве, давно стала библиографической редкостью... И вот в зените славы — в феврале 1995 года, не дожив до 50 лет, — Юхан Вийдинг вскрыл себе вены...

жизни как чисто политическую акцию, — говорит Елена. — Не могу поставить знак равенства между политическими невзгодами в Эстонии и мужественным шагом поэта, стихи которого переводила на русский язык... Юхан (знаю его с детства) не был человеком политики. Мы участвовали в обсуждении спектакля "Эмигранты" Мрожека, что привезла в Таллин московская студия "Чело-

век". Разговор с москвичами был обоюдоложный, но политический — о пьесе великого драматурга словно забыли. Юхан, не выдержав, встал: "Я эстонец. Но я эмигрант! Потому что всякий художник всегда и везде внутренний эмигрант".

— А как теперь живет в Эстонии русскому писателю? — стараюсь перевести разговор на новые рельсы.

— Писатель всегда и везде живет сложно... Пространство русской культуры в Эстонии чрезвычайно сузилось; она ныне только соседствует с культурой господствующего языка. Русской эмиграции — и парижской, и той, что обосновалась на Брайтон-Бич, — хорошо известно, как меняется на чужбине масштаб человека... Сегодня это переживаем мы. Ситуация "Ревизора" разворачивается не только вокруг любого московского театра, приехавшего не с лучшей постановкой и отнюдь не с основным составом, но и вокруг развязного чтеца-декламатора. Рецензии пестрят безудержными похвалами, а барственно-пренебрежительные гастролеры снисходительно купаются в море провинциального гостеприимства. Печально, конечно, не это; печально, что растрачивается главное, что привила нам русская культура, — вкус. В ее благотворном поле люди в течение всей жизни накапливали чувство меры, чутье, интуицию... Растратившие становятся бобчинскими, добчинскими или носителями особых провинциаль-

ных пристрастий, описанных И.А.Гончаровым в "Обыкновенной истории"...

— Присуще это, — продолжает Скульская, — не только периферии русской культуры, какой стала Эстония. Судя по многим московским журналам, и столичным литераторам вкус тоже нередко изменяет. В поле скандальности, неприличной разоблачительности литератору кажется, что он обнажает душу, хотя на самом деле он всего лишь снимает туссы...

И все-таки свой печальный монолог таллинская гостья заканчивает на оптимистической ноте:

— Я счастлива, что и у нас, и у вас есть художники, противостоящие напору безвкусицы. И их гораздо больше, чем мы думаем...

Из наших, встречавшихся в последнее время с таллинской публикой, она назвала Сергея Юрского и Константина Райкина — они и Эстонией интересовались по-другому, не на магазинно-трамвайном уровне. Райкин, например, сказал: "Я ходил по этому пляжу с отцом. Это родные мои места и ими останутся". А Юрский, приглашенный на встречу с журналистами, попросил, чтобы ему разрешили задавать вопросы: как и чем живет теперь Таллин...

Из своих земляков она, естественно, назвала покойного Юхана Вийдинга, чьи книги и спектакли живы. И несут людям свет.

Елена Скульская, известная таллинская писательница и поэтесса, привезла в Москву рукопись повести о погибшем — книгу воспоминаний и горьких раздумий.

"...Увидев огромную — во всю стену — надпись "Эстония для эстонцев", Вийдинг застыл, не веря собственным глазам... Лозунг на его родном языке, которым мать пела колыбельные песни. Он — частичка нации, особые права которой отстаиваются призывом... "Бежать!.. Уехать!" — мелькнуло в голове. Но... "Что же станет с другими?" — мозг пронзила мысль, перебирающая чужие имена: русские, греческие и эстонские (изгоняющие ведь не менее несчастны, чем гонимые)"...

— За два дня до смерти Юхана, — рассказывает Е.Скульская, — в одной из эстонских газет появилось как бы его завещание. Написанное в ритме верлибра, это, скорее, стихи, чем публицистический текст.

Последнюю — загадочную — строфу завещания она перевела так:

Я спросил.

"Наперекор своей судьбе", —

Прозвучало в ответ.

— Никоим образом не хочу присоединиться к тем, кто пытается изобразить уход Юхана из